

10. «Лицей приМИ» стартовал в Коми: сайт. URL: <http://www.finnougoria.ru/news/23081/> (дата обращения 2.04.2012)
11. Mahon Maureen. The Visible Evidence of Cultural Producers. Annual Review of Anthropology. Vol. 29. lk 467–492.
12. МИ – КОМИ ВОЙТЫР: сайт. URL: http://vk.com/mi_komi
13. Negus K. The Work of Cultural Intermediaries and the enduring distance between production and consumption. Cultural Studies 16(4). 501–515.
14. Nixon Sean, du Gay Paul. Who Needs Cultural Intermediaries. Cultural Studies 16(4). 495–500.
15. Ставыс МИ сайын: сайт. URL: <http://mi-1991.livejournal.com/>
16. Tsyanov E. Language and ethnic mobilization among the komi in the post-soviet period. Nationalities Papers. Vol 29 (1). P. 109–128.
17. Venkatseh A., Meamber L. A. Arts and aesthetics: Marketing and cultural production. Marketing Theory Vol. 6(1). SAGE publications. P. 11–39.

Ю. П. Шабает, М. Б. Рогачев, Г. С. Рябинкин

**Антропология города: культурное пространство
столицы Коми и городская идентичность¹**

УДК 572.2

Городская идентичность

История развития города, особенности формирования его населения, этнический и социальный состав жителей, особенности городской среды – все это накладывает свой отпечаток на городскую идентичность. Мы трактуем идентичность с позиций антропологии: как принадлежность к группе. И в этом смысле анализируем ее индивидуальную культурную форму и ту социальную структуру, к которой принадлежит индивид. Если соотносить идентичность с индивидуальной и коллективной памятью, то возникает вопрос: может ли появиться устойчивая городская идентичность там, где имеет место сложный этнический состав населения, который при этом динамично меняется; может ли эта идентичность возникнуть в сообществе,

© Шабает Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С., 2012

¹ Начало статьи см. – Человек. Культура. Образование. 2012. № 1 (3).

сформированном из мигрантов, причем из мигрантов, не являющихся носителями городских традиций. Проблема поиска, а особенно понимания городской идентичности применительно к российскому городу вообще и северным городам в частности трудноразрешима. «На первый взгляд, – отмечает А. Согомонов, – они кажутся чрезвычайно похожими друг на друга (тяжелое советское наследие ускоренной урбанизации), но при этом их урбанистическое качество существенно разнится от одного случая к другому. Речь идет в первую очередь о «гении места» и социальных традициях. Безусловно, именно этот парадокс современного российского урбанизма делает поиск городской идентичности у нас куда более актуальным, чем в большинстве других стран, где исторический облик городов был сформирован давно и с годами лишь укреплялся» [7:246].

Как показал республиканский опрос 1987–1988 гг., в Сыктывкаре 60 % горожан в возрасте 18 лет и старше, являлись выходцами из села [10]. В последующие годы ситуация принципиально не изменилась, поскольку рост численности населения города обеспечивался в основном за счет миграции из села в город.

Кроме того, важно иметь в виду, что формирование населения Коми в целом в наибольшей степени обеспечивается за счет миграции (внешней и внутренней), а миграционная подвижность населения РК многие десятилетия была чрезвычайно высокой [9; 8].

Важную роль при формировании городской идентичности играют не только особенности формирования его населения, но также историческая память и тот образ города, который формируется в сознании горожан. У каждой возрастной группы он свой, и у людей, родившихся и выросших в городе, он отличен от образа, который сформировался у мигрантов из коми села или приезжих из других регионов России. Советская унификация, безусловно, сказалась на том образе города, который сформировался у сыктывкарцев. Данные опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, проведенного нами в марте 2010 г., показали, что только четверть сыктывкарцев полагают, что их город отличается от других городов России, 39,2 % считают, что у жителей Сыктывкара «больше общего с жителями других городов, чем отличий», а 21,1 % полагают, что вообще никаких отличий между жителями Сыктывкара и населением других городов РФ нет (остальные затруднились дать ответ). Любопытно отме-

титель, что доля тех, кто не видит отличий между своим городом и другими городами России в Мурманске и Архангельске близка к той, что зафиксирована во время опроса жителей столицы Коми. Культурное своеобразие города и специфика идентичности могут быть оценены лишь через сравнение с другими городами. И именно здесь у жителей столицы Коми возникают проблемы, поскольку определить эту специфику весьма сложно, о чем можно судить как по данным массовых опросов, так и по интервью с горожанами: *«В Ижевске я бы даже в музей не поехала. Там очень характерны сами улицы, дух индустрии во всем, мне кажется – это специфика города, Ижмаш. В Урюпинске – сады, поля. В каждом городе только то, что его характеризует. У нас это коми избы, и национальные атрибуты просто негде больше смотреть, только в музеях. А именно причастность к корням – наша специфика. Я бы, наверное, в деревню бы какую-нибудь свозила, в тот же самый Межадор¹. Там и народ попроще, коми речь, коми дома... дух там какой-то ... даже не знаю, как передать»* (Ж. Валентина).

Индивидуальная и коллективная идентичность формируется через закрепляемый в сознании культурный образ города. Безусловно, образ города не может быть единым для всех его жителей, и он, как отмечает Кевин Линч, формируется в контексте их деятельности [14]. Но если суммировать детские воспоминания наших информаторов о городе, то все они так или иначе связаны с публичным пространством и характером взаимодействия с ним: городским парком и прогулками по нему, школой, магазином, где покупалось «вкусное мороженое», посещением кинотеатров, танцплощадки, «любимой кафешки» и т. д. Личные воспоминания о прошлом фрагментарны и локальны, в них нет цельного образа города, но есть некие культурные локусы, характеризующие городской быт. Что касается суждений о городе, которые не связаны с прошлым опытом, а формируются в процессе текущей жизнедеятельности, то они сугубо индивидуальны и не укладываются в общую культурную формулу.

Конечно, какого-то цельного образа города или единой культурной формулы (типа «Москва – большая деревня», «Петербург – куль-

¹ Межадор – коми село в Сысольском районе республики. Известно тем, что оттуда родом И.П. Морозов, с 1965 по по 1987 гг. занимавший пост первого секретаря Коми обкома КПСС. В Сыктывкаре есть официальный музей первого секретаря Обкома КПСС. Для этой цели в историческом центре города соорудили специальную избу, стилизованную под традиционное жилище коми.

турная столица России»), наверное, для большинства городов сформулировать нельзя. Появление подобной формулы там, где динамично обновляется само население, где в течение относительно короткого времени радикально видоизменяется городское пространство, маловероятно, поскольку формула должна отражать какие-то устойчивые культурные характеристики городской среды.

Образ города всегда будет преимущественно описательным и не отражающим всего многообразия его особенностей как поселения и как культурного сообщества. Во время опроса в марте 2010 г. мы попытались предложить респондентам несколько обобщенных описательных образов города Сыктывкара и получили ответы, которые позволяют говорить о некоем дуализме его восприятия (см. табл.).

Дуализм выражается в том, что с одной стороны жители города воспринимают его как некий региональный центр, играющий важное значение в жизни республики, а с другой – очень ощутимо восприятие города как довольно тихого, провинциального городского поселения, где жизнь не очень динамична. «Здесь даже люди как будто все знакомые, некоторых видишь каждый день в одном и том же месте, в одно и то же время» (из студенческого эссе «Мой город Сыктывкар»). Этим объясняется и тот факт, что в сознании населения города отсутствует явно выраженный «комплекс столичности». Видимо, с таким восприятием Сыктывкара связано то, что, согласно данным упомянутого опроса, чуть более половины молодых людей в возрасте 18–25 лет хотели бы уехать из города навсегда или на длительное время. Для молодежи городами больших возможностей являются лишь крупные промышленные города России, ее столицы, но не периферийные центры. Весьма показательно, что указанная выше двойственность восприятия города свойственна не только самим горожанам, но и приезжим, о чем можно судить по материалам, размещенным на различных интернет-сайтах: «Столица Республики Коми оставляет двойственное впечатление. Маленький, какой-то даже домашний город с населением всего 230 тыс. жителей – но при этом местами не покидает чувство, что находишься в миллионнике: есть и столичный лоск, и мегаполисный драйв» [1].

Таблица

Образ города в суждениях респондентов в %

Бурно развивающийся, динамичный, деловой и культурный центр региона	Региональный центр и все атрибуты центра здесь есть, но жизнь в нем спокойная, размеренная, без особой динамики	Город только формально является административным и культурным центром, на самом деле он очень провинциальный и застойный	Я бы даже не назвал наш город городским центром – это только своеобразный перекресток, где жители региона вынуждены встречаться	Другое	Затр. ответить
16,6	47,5	26,8	5,3	1,1	26,6

Провинциальность Сыктывкара носит типический характер, что позволяет использовать ее для создания обобщенного образа крупного российского провинциального города. В этой связи весьма показательным кажется факт использования сыктывкарских культурных и социальных реалий для создания литературного образа современного периферийного российского города. Таким фактом стала публикация книги Максима Котина «И ботаники делают бизнес», где вместе с образом провинциального бизнесмена, постоянно присутствует и образ города, названного «Городом с двумя «Ы». В комментарии местных журналистов по поводу выхода книги (которую они назвали «бестселлером») признавалось, что социальные реалии города автором отмечены весьма точно: «Котин дал точные (порой убийственные) характеристики столицы Коми. Некоторые персонажи, например, «депутат Вася» или его отец («Папа»), руководитель госкорпорации, хоть и не названы напрямую, но легко узнаваемы, как, впрочем, и остальные реалии жизни: коррупция, откаты, покровительство (читай «крышевание») со стороны чиновников. Вывод буквально напрашивается: без «блатных» связей и встроенности в «вертикаль власти» успешный бизнес невозможен. И не только в Сыктывкаре – в любом городе России» [3]. В роли «гения места» [2] в данном случае закономерно выступают не знаковые фигуры, к числу которых можно отне-

сти одного из отцов-основателей американской социологии Питирима Сорокина, являющегося уроженцем Коми земли, или создателя первой коми азбуки и крестителя коми Стефана Пермского (имя которого носит главная площадь города), а неудачливый провинциальный бизнесмен.

Что касается городской идентичности, то в Сыктывкаре устойчивой и ярко выраженной идентичности, как, к примеру, в Воркуте, нет. Воркутинская идентичность (мы – воркутинцы) базируется на социально-профессиональном фундаменте, шахтерской солидарности, равно как и на ярко выраженной культурной специфике города – «Заполярная кочегарка», «Город-концлагерь». Еще в советские годы воркутинцы, когда их самолет неоправданно сажали в Сыктывкаре и долго задерживали вылет, дружно выражали протесты и оказывали давление на руководство аэропорта, которое торопилось отправить рейс далее по назначению. Затем эта гражданская солидарность воркутинцев со всей очевидностью проявилась в 1989 г., когда Воркута стала одним из центров рабочего движения в СССР, а затем и в постсоветской России [4]. В Сыктывкаре такой гражданской солидарности нет, и не случайно, что здесь никогда не было крупных и хорошо организованных акций протеста или значимых общественных инициатив, активно поддерживаемых большинством населения города. Даже такая гражданская акция, как весенние субботники по уборке территории от скопившегося за зиму мусора стабильно не поддерживается горожанами, и выходят на уборку придомовых территорий ничтожное количество энтузиастов.

В столице Коми, где население не спаяно узами социально-профессиональной солидарности и схожестью личных судеб, формирование общей идентичности затруднено. Но не только социально-профессиональная неоднородность жителей и несхожесть их биографий и исторической памяти оказывают влияние на формирование городской идентичности. Не меньшее значение играют организация городского пространства и культурные границы, возникающие внутри городского социума.

С социологической или антропологической точки зрения границы рассматриваются как различиями между «нами и ими», «тут и там», «внутри и снаружи», а также между группами, что находит вы-

ражение как в маркировании социального пространства в целом, так и в наделении культурными смыслами личного пространства [15:147].

В Сыктывкаре сегодня фактически существует не одна, а несколько идентичностей, ибо само городское пространство распадается на ряд самостоятельных анклавов, которые разделены как естественными границами (рекой), так и ментально.

Жители Лесозавода, Краснозатонского, Максаковки, Эжвы «едут в город», когда посещают историческую часть Сыктывкара. В одном из эссе студентов-культурологов КГПИ на тему «Мой город Сыктывкар», ее автор написала: «Когда я жила в Лесозаводе, мне очень хотелось поехать в город, так как там, особенно накануне нового года, висели яркие огни, центральные улицы светились лампочками всевозможных оттенков, витрины магазинов манили и восхищали» (Елена Т.).

Наиболее очевидно противостояние сыктывкарской и эжвинской идентичности. У жителей микрорайона Эжва (где проживает более 60 тыс. жителей), сформировалась собственная позитивная идентичность, которая во многом базируется на противопоставлении Эжвы и Сыктывкара (у нас чисто в Эжве – у вас в городе грязно; у нас порядок – у вас нет порядка, у нас власти думают о жителях – у вас не думают, мы работаем и зарабатываем для города, а вы проедаете). Долгое время в Эжве существовала собственная администрация, но в 2000-е гг. ее решили ликвидировать, что вызвало рост эжвинского сепаратизма и появление идеи о проведении референдума об отделении Эжвы от Сыктывкара, преобразование этого городского района в самостоятельный город районного значения. Со специальным обращением по этому поводу выступили депутаты совета Эжвы, которые предложили республиканскому парламенту внести изменения в административно-территориальное деление РК [5]. На основании итогов референдума, проведенного в Эжвинском районе, было принято решение о создании города Эжва и даже подписан соответствующий указ Главы РК. Но Конституционный РК суд отменил это решение, и Эжва просуществовала в статусе города всего три месяца. Эжвинский «сепаратизм» удалось подавить, но это не укрепило общегородскую идентичность – она по-прежнему не является достаточно выраженной, «рассыпается» на местные идентичности, и реальных культурных механизмов, которые бы содействовали ее укреплению, пока нет. Впрочем, в этом смысле столица республики является своеобраз-

ным культурным зеркалом всего республиканского социума. И этнический состав ее населения близок к этнической структуре населения РК в целом, и городская идентичность столь же слабо выражена, как и региональная [11], и местный социум представляется достаточно фрагментированным. Однако следует заметить, что местные, региональные и даже этнические идентичности на европейском севере в целом уступают по уровню актуализации общероссийской [12], что, видимо, вполне объяснимо, учитывая очень высокий уровень миграционной подвижности жителей северных регионов и культурную неоднородность населения Севера.

В дореволюционном Усть-Сысольске общественный быт был тесно связан с православной обрядностью и празднованием православных праздников. Общие празднования сближали горожан. В советскую эпоху эта обрядность была изгнана из публичного пространства, но важное интегрирующее значение приобрели общегражданские советские традиции: ежегодные демонстрации на 7 ноября и на 1 мая, когда представители всех трудовых коллективов, учебных заведений дружно шли в общих колоннах, и эти шествия имели соответствующее звуковое и визуальное сопровождение; День советской армии, Международный женский день 8 марта, Новый Год. В постсоветскую эпоху интегрирующих горожан праздников почти не осталось. Новая символика и новая обрядность лишь формируются, а религиозная обрядность еще не превратилась в значимую составляющую общественного быта. В последние годы одновременно с Днем России стал праздноваться и День города, но его символическое значение не очень велико, а сам характер празднования достаточно аморфен и не способствует выражению *самости* сыктывкарцев. Очевидно, что общая городская идентичность в столице Коми выражена слабо, и процесс гражданской консолидации здесь еще не завершен.

Заключение

Сыктывкар как город во многом сходен с другими крупными городами европейского севера РФ, но это сходство есть лишь один из значимых элементов, формирующих городскую специфику. Очевидно также, что культурная специфика Сыктывкара лишь отчасти определяется статусом республиканской столицы, которая является образо-

вательным, научным и культурным центром региона и в которой сосредоточены основные региональные культурные институты.

К числу специфических культурных характеристик Сыктывкара, безусловно, необходимо отнести этнический состав жителей, где численно доминируют русские и коми. Русские составляют большинство населения города, и этот факт определяет доминирование русского языка во всех языковых сферах, включая семейное общение. Однако символическое пространство города представляет собой сочетание собственно этнических и надэтнических культурных образов и наименований, среди которых существенное место занимают образы и наименования, связанные с коми культурой или трактуемые как таковые.

Локальный городской текст уступает по значимости тексту коми культуры, а потому городской текст производится и воспроизводится несистематично, что сказывается на городской идентичности. Функциональность и символика статуса столицы национальной республики делают такую ситуацию неизбежной.

Городская идентичность в случае Сыктывкара не только распадается на местечковые, но и имеет более сложную структуру «города в городе», поскольку два значительных городских анклава противостоят друг другу не только сугубо пространственно, но и символически, идентификационно.

Город, как отмечено выше, представляет собой и ментально, и пространственно, и символически сегментированную среду, где нет общего культурного образа. Применительно к Сыктывкару не вполне справедливым служит утверждение И. Разумовой, основанное на анализе характера взаимодействия жителей двух городов Кольского Севера (Кировска и Апатитов): «чем старше город, чем богаче событиями его история, тем легче обосновывать культурный статус горожан» [6:145].

Особенности исторического развития Сыктывкара, характер формирования населения города, его административная роль, сложная внутренняя структура городского сообщества делают культурный статус сыктывкарца менее определенным, на наш взгляд, чем статус жителей других городов республики.

Впрочем, роль исторической памяти в формировании культурного пространства городов, отмеченная как вышеназванным исследователем, так и зарубежными специалистами по урбанистике [13], не

может не оказывать влияния на самоощущение горожан и вовлеченных в сферу влияния жителей других поселений. И если оценивать Сыктывкар в широком культурном контексте (контексте регионального социума), то образ города наделен весьма показательными культурными смыслами, характеризующими территориальное сообщество в целом.

1. Буяновский И. Сыктывкар. Часть 1: От вокзала до Стефановской площади. URL: www.varandej.livejournal.com/361811.html
2. Вайль П. Гений места М., 2008.
3. В бананово-лимонном Сыктывкаре... // Трибуна. 2011. 27 мая.
4. Ильин В. И. Власть и уголь: Шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.
5. Лихачева Н. Отделение Эжвы от Сыктывкара не вызовет скандала если будет законным. URL: www.komiinform.ru/news/25379/18/05/2004/
6. Разумова И. Социалистический город в памяти жителей // Texts and Communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice / Edited by Natalia Baschmakoff, Paul Fryer and Mari Ristolainen. Aleksanteri Series 4/2007. Helsinki : University of Helsinki, 2007.
7. Согомонов А. Современный город: стратегии идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 2.
8. Сыктывкару – 230 лет. Статистический сборник. Сыктывкар, 2010.
9. Фаузер В. В. Подоплелов В. П., Загайнова Г. В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994.
10. Шабаев Ю. П. Семейный быт и социальное здоровье городской семьи в Коми АССР (социологический аспект) // Здоровый образ жизни: прикладные психологические аспекты. Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1989.
11. Шабаев Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 3.
12. Шабаев Ю. П. Народы европейского севера России: положение, специфика идентичности // Социологические исследования. 2011. № 2.
13. Hollister R. M., Rodwin L. (Eds.). Cities of the Mind: Images and Themes of the Cities in the Social Sciences. New York, 1984.
14. Lynch K. A Theory of Good City Form. MIT Press, Cambridge MA and London, 1981.
15. Newman P. The lines that continue to separate us: borders in our 'borderless' world // Progress in Human Geography 30(2). 2006.